

Цяо Юаньлинь остолбенел. Те, кого он принял за головорезов, оказались обычными официантами?

— Видишь? — Ин Сяоцун говорила без умолку. — Лао Сы — мастер своего дела, отвечает за закупку и отбор морепродуктов. Его отец торговал рыбой, дед был капитаном рыболовного судна, а предки вообще промышляли пиратством в Карибском море.

Цяо Юаньлинь потерял дар речи.

— Теперь веришь?

Цяо Юаньлиню нужно было прояснить самое главное, поэтому он спросил:

— Так что всё-таки произошло на острове Линхай? И что ты имела в виду под «благородным поступком»?

— А бесплатно я не болтаю, — ответила Ин Сяоцун. — Сначала сделай заказ.

Цяо Юаньлинь почти забыл, что пришел сюда поесть. Он быстро произнес:

— Рис с креветками и коробку соевого молока.

Ин Сяоцун на мгновение задумалась. Лян Чэн делал здесь заказы так редко, что она помнила каждый:

— Как-то раз Лян Чэн был здесь и перед уходом взял с собой рис и соевое молоко. Неужели это он тебе нёс?

Цяо Юаньлинь наконец понял, почему Лян Чэн доставил еду всего за двадцать минут. Он нетерпеливо спросил:

— Я сделал заказ. Теперь расскажешь?

С тех пор прошло уже полмесяца, страсти улеглись, поэтому Ин Сяоцун согласилась:

— Ну ладно, так и быть...

— Тех двоих, кого мы поймали на острове, зовут Лю И и Лю Ган, они родные братья. Эта парочка обманула людей в Пинхае больше чем на десять миллионов, а двадцать восьмого числа собиралась сбежать через Линхай.

— Они мошенники? — поразился Цяо Юаньлинь.

Вспоминая тот день, Цяо Юаньлинь подумал, что реакция Лю И и Лю Гана на появление полиции действительно была странной. Тогда ему это показалось подозрительным, но он не стал вдумываться.

Он спросил:

— Выманить столько денег... Это было незаконное привлечение средств?

Ин Сяоцун усмехнулась:

— Ого, ты даже знаешь такие умные слова?

Но реальность оказалась куда более гнусной. В свое время Лю И занимался мелким бизнесом — держал интернет-кафе и посуточные гостиницы, а пару лет назад вдруг заделался интеллигентом и открыл курсы дополнительного обучения. Его брат Лю Ган работал водителем — возил кого-то из руководства Управления образования.

Сейчас конкуренция жесткая, все родители хотят устроить детей в хорошие школы. Если баллов не хватает, они готовы выкладывать круглые суммы в качестве «взноса за выбор школы», лишь бы получить заветное место.

Однако правила строгие, и одними деньгами вопрос обычно не решить. Возьмем, к примеру, Седьмую школу — туда пробиться сложнее всего, и если баллов недобор, то и разговаривать никто не станет.

Лю И сыграл на родительских чаяниях. Он соврал, что у него есть связи в Управлении образования и он может достать квоты на поступление, которых на всех не хватает. Скооперировавшись с Лю Ганом, они начали вымогать деньги за поступление. За переход из начальной школы в среднюю брали от нескольких десятков до ста с лишним тысяч, а за старшую школу такса доходила до четырехсот тысяч.

Ин Сяоцун окинула взглядом брендовую одежду Цяо Юаньлиня. Боясь, что молодой господин далек от суровой реальности, она добавила:

— И не думай, что это мелочь. Для обычной семьи это сбережения за полжизни.

Но, вопреки ее ожиданиям, Цяо Юаньлинь посмотрел на проблему глубже:

— Дело ведь не только в деньгах. Родители поверили ему, думали, что вопрос решен. А когда спохватились, сроки подачи документов в другие школы уже прошли. В итоге дети вообще остались без учебы.

— И таких было немало, — подтвердила Ин Сяоцун.

— Они заявили в полицию? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Конечно, — ответила Ин Сяоцун. — Но пострадавших оказалось слишком много. Пока они поняли, что их обманули, пока связались друг с другом и подали совместное заявление, чтобы полиция возбудила дело, Лю И и Лю Ган уже давно скрылись.

— Раз было подано заявление, как вы во все это впутались? — спросил Цяо Юаньлинь.

— Ты еще мал и не понимаешь, каково это — потерять десятки и сотни тысяч. А уж тем более тебе не понять ярость родителей, чьи дети остались без школы. Они были готовы пойти на все, лишь бы отыскать мерзавцев.

— И поэтому...

— Поэтому они обратились ко мне, — Ин Сяоцун похлопала себя по груди. — Скинулись понемногу и наняли меня, чтобы я выследила и поймала Лю И и Лю Гана.

Но вопрос вернулся к началу, и Цяо Юаньлинь в недоумении спросил:

— Ты ведь просто управляющая в уличном кафе. Почему они обратились именно к тебе?

— Общепит — это моя основная работа, а выбивание долгов — подработка. Если хорошо

заплатят, я любого черта из-под земли в Пинхае достану.

Цяо Юаньлинь долго не мог оправиться от шока.

Ин Сяоцун облокотилась на спинку его стула и тихонько произнесла:

— Сначала они заявили в полицию, а потом объявили свой собственный розыск — так сказать, содействие органам. Если бы ты в тот день не вызвал полицию, мы бы сами привезли Лю И и Лю Гана в город и сдали в участок.

— Но ведь вы... — пробормотал Цяо Юаньлинь.

— Ну да, выглядело как групповая драка, немного жестковато. Но надо же было как-то выпустить пар за обманутых людей. К тому же Лю Ган вытащил нож для фруктов — не стоять же нам было и лясы точить?

Цяо Юаньлинь словно очутился в каком-то чуждом ему мире. Люди, события — все вокруг, укутанное густым дымом от жаровен, дышало духом вольной полукриминальной вольницы.

В душе у него все перевернулось. Нож принадлежал вовсе не Лян Чэну, события двадцать восьмого числа не имели никакого отношения к похищению и вымогательству. Правда, в которую он верил, оказалась бесконечно далека от реальности.

Но было уже поздно. Слишком поздно.

Мысли в голове Цяо Юаньлиня словно заклинило, разум оцепенел, а в глазах защипало от сухости. Он растерянно смотрел вдаль: на озерную гладь и белые мраморные перила, на разноцветные гирлянды и пивные бочки, на раскрасневшиеся, лоснящиеся от алкоголя лица вокруг.

Вдруг взгляд его зацепился за припаркованный в углу мотоцикл.

Цяо Юаньлиня словно ошпарило. Он сжал кулаки так сильно, что побелели костяшки пальцев. Вопрос, который не давал ему покоя с самой встречи с Ин Сяоцун, сорвался с губ, как бы крепко он ни сжимал зубы:

— Лян Чэн... он здесь?

— Его нет, — ответила Ин Сяоцун. — И мотоцикл он тоже бросил.

Цяо Юаньлинь принялся высматривать его в толпе. Чем меньше он находил знакомую фигуру, тем упорнее отказывался верить:

— Вы ведь друзья. Раз вы здесь, значит, и он должен быть тут.

Ин Сяоцун проворчала себе под нос:

— Стал бы кто нанимать отличника учебы в обычную забегаловку, только таланты губить.

Цяо Юаньлинь не расслышал ее слов. Он тревожно вглядывался в каждое лицо, но Лян Чэна среди них не было. Пытаясь успокоить себя, он с надеждой предположил:

— Наверное, Лян Чэн пошел домой?

— Да откуда у него дом? — возразила Ин Сяоцун.

Эти слова хлестнули Цяо Юаньлиня по лицу, оставив жгучую боль. Он спросил:

— Можешь сказать, куда он ушел?

— Ладно, — согласилась Ин Сяоцун. — Потом спрошу у него в вичате.

Цяо Юаньлинь прекрасно расслышал издевку в ее голосе, но ему оставалось только терпеть. Он сам все не так понял, сам нападал на него с расспросами. И запоздалое раскаяние теперь ничем не могло помочь, разве что немного заглушить гложащую совесть.

Он ушел из уличного кафе. Упакованные с собой горячий рис и холодное соевое молоко казались отражением его собственных растрепанных чувств.

Такси уносило его прочь от ночного рынка. Машина плавно въехала на торговую улицу, где одна за другой сменялись пестрые витрины. Цяо Юаньлинь сидел неподвижно, прижавшись лицом к стеклу, в котором отражались бесконечные огни большого города.

Телефон то и дело вибрировал. Завтра они отправлялись в весенний поход, и одноклассники оживленно переписывались в общем чате.

Цяо Юаньлинь перевел чат в режим «Не беспокоить», и мир наконец затих. Он уставился на аватарку с кактусом в списке контактов. Он протянул палец, но заколебался, словно боясь уколоться об острые иголки.

Лишь когда такси проехало еще две улицы, он все-таки открыл профиль Лян Чэна. Пальцы дрожали от неловкости и стыда, когда он набирал сообщение:

Цяо Юаньлинь: Куда ты переехал?

Он нажал «Отправить», но перед строчкой тут же вспыхнул красный значок. Система прислала уведомление: адресат ограничил прием сообщений.

Лян Чэн удалил его из друзей.

Цяо Юаньлинь растерянно посмотрел в окно. За стеклом мелькали знакомые вывески: сычуаньский ресторанчик Лао Ху, поворот на улицу Чанлинь, круглосуточный магазинчик, «Завтраки у У»... Каждое из этих мест хранило крупинцы недавнего прошлого.

Выйдя из машины, он напрямик направился к фонарному столбу и резким движением сорвал рекламное объявление, закрывавшее QR-код с Суперменом.

В темноте вспыхнул и тут же погас оранжевый огонек сигареты. Темный силуэт, держась поближе к стене, вышел из переулочка на улицу. Человек выпустил последнюю струйку дыма и оглянулся на стоявшего спиной Цяо Юаньлиня, который как раз сканировал код.

Лян Чэн читал книгу в гостиничном номере, когда зазвонил телефон — на экране высветился незнакомый местный номер.

Он принял вызов:

— Алло?

— Лян Чэн, — раздался голос Чэн Лие.

Лян Чэн закрыл книгу. Он догадывался, кто звонит:

— Опять караулил меня?

Чэн Лие шел по улице:

— Не дождался, ухожу уже.

— Не трать время зря, — сказал Лян Чэн.

Чэн Лие помолчал немного, а потом произнес:

— Ну ты и скор на подъем. Так быстро съехал.

Лицо Лян Чэна помрачнело:

— Я ни в чем не виноват, и бежать мне не от кого.

— Я не это имел в виду, — поправился Чэн Лие, сославшись на привычку выражаться профессиональным языком. — Я о том, что ты переехал?

Лян Чэн знал принципы Чэн Лие — тот не стал бы пользоваться служебным положением, чтобы разузнать его личные данные. Он ответил:

— Да. Так что не надо меня больше искать.

В голосе Чэн Лие слышались усталость и бессилие. Под завывание ветра он пошел на уступку:

— Лян Чэн, я ничего не говорил твоей матери, ни единого слова. Она сама меня ни о чем спрашивать не станет. Обещаю, обещаю больше тебя не беспокоить. Просто обустройся нормально, идет?

Лян Чэн принялся разглаживать загнутый угол страницы, но стоило отпустить пальцы, как бумага сворачивалась еще сильнее. Если даже обычный лист может быть таким упрямым, то что говорить о человеке.

Он молчал. Чэн Лие позвал его несколько раз:

— Лян Чэн... Лян Чэн, куда ты переехал? Ты все еще в Пинхае?

<http://bllate.org/book/18284/1753031>